

Покойный Люмье говорил про Шаплена, что он одевается, как сводяк, а Ламонт-ле-Вайер — что он похож на уличного зубодера: дурен лицом, мал ростом и притом всегда плюется. Не понимаю, как у этого краснбая, вечно толкующего о правде, рубящего с плеча, — словом, г-ля де Монтозье, — никогда не хватало мужества упрекнуть Шаплена в скарелности. Не раз во дворце Рамбуе я видел у него такие грязные носовые платки, что от них просто тошнило. Никогда я так в душе не смеялся, как в ту пору, когда он на моих глазах ухаживал за Пеллокен, красивой девушкой, компаньонкой г-жи де Монтозье, которая явно подтрунивала над ним, ибо плащ его протерся до того, что за сто шагов можно было разглядеть отдельные нитки; на беду свою Шаплен стоял у окна, куда падал солнечный луч, и девица Пеллокен могла заметить шатки толщиной в палец.

У Шаплена на уме вечно была только поэзия, хотя он вовсе и не рожден для нее; правда, он не более рожден и для прозы, и во всем, что он пишет, чувствуются какая-то сухость и многословие. Тем не менее после многих переделок он создал два или три вполне сносных стихотворных произведения: «Поэму о Львице», большую часть «Зирфея» и — самое главное — «Оду кардиналу Ришелье»,¹ которую мне следовало бы упомянуть первой. Г-да Арно (ибо он усердно обхаживал всех, даже Доктора, который в ту пору был в коллеже) и еще кое-кто из друзей Шаплена заставили его внести в эту оду столько исправлений, что она в колде концов приобрела тот вид, какой имеет сейчас; бесспорно, это одно из самых прекрасных произведений на нашем языке. Я наложу в ней, однако, слишком много рассудочного, слишком много ума, ежели так можно выразиться: ей недостает поэтического пыла, к тому же она, пожалуй, длиновата.

К этому времени Шаплен уже написал какую-то часть своей «Девственицы».² Г-н д'Андийи, заметив благоприятное впечатление, которое произвела эта ода, решил воспользоваться случаем и сделать что-нибудь для ее автора. Однажды вечером он попросил у Шаплена уже законченные первые две книги «Девственицы»; тот подумал, что они нужны лишь для того, чтобы почитать их на досуге, и дал. Но д'Андийи взял их не только для чтения, ибо через свою сестру, м-ль ле-Местр, он дал понять г-же де Лонгвиль, а затем и ее супругу, какая это будет честь для их дома, ежели Шаплен закончит эту поэму. А надобно сказать, что м-ль ле-Местр до такой степени снискала себе доброе расположение обоих супругов, что, когда г-же де Лонгвиль пришлось поехать в Лион, где граф Суассонский был столь же серьезно болен, как и покойный Король, она препоручила дочь, единственное свое дитя, заботам м-ль ле-Местр, удалившейся к тому времени с сестрою в Пор-Руаяль, где впоследствии она постриглась и умерла монахиней. По возвращении из Лиона г-же де Лонгвиль спешит увидеть дочь: м-ль ле-Местр хочет возратить ее матери. «Не надо, — говорит та. — у меня еще некому за ней присмат-